Был у нас в деревне один дом. Нехороший, как говаривали сельчане. Что там на самом деле произошло доподлинно, пожалуй, уже никто никогда не узнает, – слишком давно это было: те, кто что либо видел или слышал, давно поумирали. Конечно, кое-какие слухи живучи до сих пор, но как знать, не брешут ли люди красного словца ради?.. Одним словом, тёмная история, в которой слишком много вопросов и ни одного ответа.

Я был в том возрасте, когда любая тайна будоражила воображение. И чем более зловещей и запутанной она казалась, тем лучше. Как и всякому пацану в тринадцать лет, мне хотелось приключений. Тем более что в те годы я безнадёжно «объелся» Стивенсоном и Жюлем Верном.

У меня было два закадычных приятеля – Стёпка и Сашка, таких же неисправимых романтика, как я. Учились мы ни шатко, ни валко. Не учились даже, а так, отбывали, протирали за партами штаны. Единственное, что нас интересовало, – это поиски клада, ради которого мы то обшаривали полуразвалившуюся кладку какого-нибудь заброшенного дома, то в тайне от родителей, прихватив из сарая мешок и лопату, совершали вылазку в лес.

Построенный ещё до революции кирпичный двухэтажный особняк притягивал нас своей легендой: раз его строил купчина, думалось нам, значит, где-то непременно должно быть припрятано золотишко. А разве может быть иначе, ведь всем известно, что купчики – народ зажиточный.

К слову, дом этот манил не только нас. Сельское начальство наше то и дело пыталось его обжить, устроить в нём склад или мастерскую, но дальше разговоров дело не шло, потому что здание требовало ремонта, а на это вечно не хватало денег. Зная расторопность председателя сельсовета, можно было быть спокойным, что в ближайшую пятилетку починкой ветхой, провалившейся крыши и сгнившего от грибка пола никто не займётся.

Был и ещё один тип, которому приглянулся купеческий дом. Целыми днями напролёт возле особняка отирался странный субъект – жалкий весь какой-то, в поистрёпанной одежонке и вечно под хмельком... Случалось ли вам видеть беспробудно пьющего человека? Не обычного пьяницу – это дело нехитрое: много таких на Руси повстречать можно. А трезвенника – убеждённого, истового, но припадающего к горькой, как к отраве, с остервенелым отчаянием самоубийцы. Это действительно сродни самоуничтожению. Только конец отсрочен на мириады бесконечно долгих, отупляющих своей безысходностью дней. Вот и этот бедолага был такой. Опустившийся, но безобидный, тихий. Мы с брезгливым любопытством приглядывались к нему, а он, казалось, не замечал нас вовсе. Бродил вокруг старого дома, высматривал всё чего-то, вздыхал и будто бы сокрушался от невесть какой беды.

Пожалуй, в каждом селении, даже самом маленьком, есть свой сумасшедший. Над ним, как водится, посмеиваются, крутят пальцем у виска и дразнят обидными прозвищами. Что поделаешь – жестоки люди: вечно им нужен кто-то, на кого можно тыкать пальцем. Я и дружки мои выбрали для преследования этого горемыку. Особо не донимали, конечно, но при личной встрече считали своим долгом выкрикнуть по его адресу какое-нибудь обидное ругательство или залимонить камешком в спину. Знали – жаловаться не пойдёт, потому и куражились... Стыдно сейчас, спустя годы, за то, что я таким поганцем был. Но, как говорится, мой бы ум, да в те бы годы!

Помнится, один раз мы, мальчишки, изнывая от безделья во время летних каникул, околачивались вокруг заброшенного дома и ожидаемо встретили там местного пьяницу. Увидев его, принялись гоготать и улюлюкать:

– Эй, чучело гороховое!.. Вернись на огород ворон пугать!..

– Вымой рожу, образина!..

Он, против обыкновения, не стал делать вид, что ничего не слышит, а обернулся к нам лицом. В его глазах застыли слёзы.

– Она была ангелом... – прошептал он. – Бедная моя, хорошая... А вы – сволочи!.. Мизинца её не стоите...

И, сев на пыльную дорогу, заплакал.

Я и товарищи мои растерялись. А он, вытирая слёзы грязным кулаком, рыдал навзрыд и мямлил что-то невнятное.

Нас шуганул сосед, возвращавшийся с покоса дядька Семён, – суровый, вечно хмурый мужик, которого я, признаться, побаивался, как, впрочем, и все пацаны, кто

пытался воровать яблоки из его сада – по ночам он дежурил там с ружьём, начинённым солью.

– А ну по домам, соплячьё! И чтоб больше я вас не видел, а то уши поотрываю! – и, склонившись над пьяницей, заботливо взяв его под руки, с непривычною мягкостью в голосе произнёс: – Пошли ко мне, Николай, жена обедом накормит.

И увёл его – рваного, шатающегося, источающего кислый запах самогонки и немытого тела. Мы с друзьями ошалело переглянулись – такого ханыгу и в дом! Вот даёт сосед! Но главное, мы наконец-то узнали имя незнакомца – Николай.

Вечером мы встретили этого самого Николая ещё раз: он выходил из ворот соседского дома, провожаемый хозяевами. Удивительное дело – похоже, он побывал в бане. Вымытый, побритый, он казался значительно помолодевшим. Старенькая одёжа его была чистая, отглаженная, колени на штанах – аккуратно заштопаны, а рубаха, похоже, вообще с чужого плеча – не иначе, сосед расщедрился.

Простившись с гостеприимными хозяевами, Николай зашагал в направлении заброшенного дома. Мы хотели было двинуться вслед за ним, но дядька Семён пригрозил кулаком, и это нас остановило. Встав на дороге, мы долго свербили взглядом его долговязую фигуру. Николай шёл, не оглядываясь, резвой, подпрыгивающей походкой. Один раз наклонился – оборвал веточку растущего вдоль дороги репейника. Зажав пальцами цветок, мечтательным движением помахал им в воздухе – должно быть, напевал что-то или просто пребывал в благодушном настроении.

– Знамо дело, пропустил стопарик, – съязвил Сашка.

– И не один, – поддержал его Стёпка, сплюнув сквозь зубы. – Пьянь подзаборная!

Я тоже не мог остаться в стороне от столько авторитетного мнения и, скривившись, процедил:

– Трезвяк по нему плачет!

...Больше мы его никогда не видели...

В ту же ночь в бывшем купеческом доме произошёл пожар. Огонь был такой силы, что пришлось вызывать подмогу с района. Полыхало несколько часов кряду. Все в деревне, от мала до велика, таскали воду из реки. У меня от тяжести вёдер потом ещё долго ныла спина и болели руки.

Дом выгорел почти дотла, уцелели одни стены. Николая с трудом опознали по пряжке на ремне. Немногие нашлись, кто ему посочувствовал. Считали, что это именно он совершил поджог.

Когда приехавший из города следователь и местный участковый, разгоняя окриками нас, толпу зевак, несли в пакетах то, что осталось от погибшего, я услышал как две стоявшие рядом со мной бабы, крестясь, зашептали друг другу:

– Бросил её, беременную, а она руки на себя наложила... Потом всю жизнь ходил, каялся... Так и спился мужик... Хоть дом этот проклятущий сгорел! А то как иду мимо, всё она мерещится. Её на чердаке нашли, на перекладине уже холодная висела...

– А я слышала другое. Колька-то служить ушёл, а дружок его верный Сенечка про неё гадостей всяких ему написал, мол, гуляет тут невесть с кем твоя девка, пока ты в армии. А сам-то, гад, клеился к ней, а она его отшила. Ну, его и заело – навёл поклёп. Колька, дурень, уши развесил, отставку ей махом дал, не разбирая, кто прав, кто виноват. А она, глупая, в петлю...

– Тише ты, и он тут!.. Принесла нелёгкая...

Оглянувшись, я увидел бледное лицо дядьки Семёна. Похоже, он краем уха слышал ядовитые пересуды кумушек. Зная его крутой нрав, ждал, что сейчас он по обыкновению своему зычно гаркнет на сплетниц: «Цыц, курицы безмозглые, откуда, мол, знать вам, как оно было на самом деле!» Но он не произнёс ни слова. Опустив голову и как-то сразу ссутулившись, он, ни на кого не глядя, понуро побрёл домой. В его походке появилось что-то стариковское, шаркающее, жалкое. Мы с Сашкой и Стёпкой провожали его взглядом, пока он не скрылся за поворотом. Потом, сухо попрощавшись друг с другом, разошлись по домам. Впервые в жизни мы не стремились обсуждать увиденное сообща. Каждый из нас замкнулся в своих мыслях, которыми не хотелось делиться с окружающими.

...Осенью батька мой получил повышение по службе, и его перевели на работу в город. Моя семья, продав дом и корову, уехала из деревни. На новом месте всё было по-другому: я пошёл в новую школу, обзавёлся новыми друзьями и увлечениями, ранее не свойственными мне, – записался в кружок юных астрономов и спортивную секцию. Старинные развалины бывшего купеческого дома с его страшными тайнами остались далеко в прошлом... Друзьям своего детства Сашке и Стёпке я горячо пообещал писать письма и обязательно приехать летом на каникулы, а ещё – пригласить их к себе в гости и сводить в городской парк покататься на чёртовом колесе. Но слова своего не сдержал. Они меня, наверное, честят за это почём зря – плохим я оказался товарищем... Впрочем, писем я не писал не только им. Не люблю я это дело. Если что – лучше на словах, в глаза глядя. Чтоб не соврать.